

Государственное учреждение образования «Центр дополнительного образования детей и молодёжи «Маяк» г.Минска»

Литературно-музыкальная композиция
«Чайка по имени Джонатан Ливенгстон»
(По мотивам книги Ричарда Баха)

Автор: Лукс Светлана Александровна,
педагог дополнительного образования

Номинация: «Драматургический материал
для детского театра по мотивам литературных
произведений»

Возрастной адресат: 14-17 лет.

Минск 2023

Аннотация

Данная литературно-музыкальная композиция разработана по одноимённой повести Ричарда Баха «Чайка по Имени Джонатон Ливингстон» в жанре: философская повесть.

Как отмечает сам автор произведения «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», книга на самом деле про людей. В каждом из нас живет чайка Джонатан Ливингстон, которая борется с нашей внутренней Стаей обыденности, которая прилетает неизвестно откуда, поселяется в нас, и начинает плодиться и устанавливать свои правила. И на всю эту огромную Стаю найдется хотя-бы одна чайка, которую не устраивает привычный ход вещей, а значит, она будет бороться со всем привычным, со Стаей, и с самим собой.

Литературно-музыкальная композиция полностью отражает главную идею автора, актёры рассказывают о жизни Джонатана, его удачах, стремлениях и невзгодах, охватывают посредством отрывков всю жизнь Джонатана и делятся своими впечатлениями об этом чудесном произведении путём чтения отрывков. В данной композиции помимо литературного материала была подобрана музыка, и тематическая хореография к каждому эпизоду. К каждому эпизоду продуман свой режиссёрский ход, который усиливает атмосферу и смысловую нагрузку произведения.

Данный материал рекомендован для детей старшего школьного возраста.

Визитка
Лукс Светланы Александровны,
педагога дополнительного образования
отдела культурно-досуговой деятельности
государственного учреждения образования «Центр дополнительного
образования детей и молодёжи «Маяк» г.Минска»

Лукс Светлана Александровна, 18 ноября 1998 года рождения, образование высшее, Белорусский государственный университет культуры и искусства по специальности «Режиссер праздников (театрализованные). Преподаватель спецдисциплин». Светлана Александровна работает в ЦДОДиМ «Маяк» в должности педагога дополнительного образования с августа 2020 года.

Светлана Александровна имеет высокий уровень научно-теоретической подготовки в области современной педагогики, методики обучения и воспитания, владеет системой современных педагогических методов и технологий.

Педагог организовала и руководит деятельностью театрального кружка «Перевоплощение», в которые входят учащиеся от 6 до 17 лет. Применение педагогом современных методов обучения и воспитания в сочетании с традиционными приёмами способствует максимальному погружению учащихся кружка «Перевоплощение» в творческий процесс создания театральных постановок. На занятиях Светлана Александровна использует формы и методы работы с учетом интересов и индивидуальных особенностей учащихся. Вместе с учащимися разрабатывает авторские спектакли, что способствует развитию образного и ассоциативного мышления, активизирует фантазию и воображение подрастающего поколения.

Особое внимание в своей работе руководителя кружка Светлана Александровна уделяет воспитательной работе. В каникулярный период в рамках занятия объединения по интересам «Перевоплощение» для кружковцев организовывает мастер-классы по сценическому движению «Лови ритм», игровые программы, творческие встречи (Бенефис авторов «Первый слог»).

Учащиеся театрального кружка принимают участие в районных конкурсах: юных чтецов «Живая классика», театральных и кукольных коллективов «Амплуа» и отчётных мероприятиях Центра «Маяк».

В 2021 году под руководством Светланы Александровны учащиеся театрального кружка «Перевоплощение» приняли участие во Всероссийском конкурсе игровых программ «Созвездие игры. Дети» и получили сертификат участников.

В сентябре 2022 года программа театрального кружка «Перевоплощение» (автор Лукс Светлана Александровна) заняла 1 место в XIII городском конкурсе программ объединений по интересам художественного профиля «Программа – Олимп» в рамках республиканского конкурса программ объединений по интересам (театральное творчество).

На данный момент обучается в УО «Белорусская государственная академия искусств» в магистратуре по специальности «Искусствоведение».

Литературно-музыкальная композиция
«Чайка по имени Джонатан Ливингстон»
(По мотивам книги Ричарда Баха)

Ход мероприятия

Ремарка: В зале полумрак, на мультимедиа появляется видео природы, моря, и летящей чайки. Сначала звук дождя, затем начинается фортепьянная композиция: (Неоклассика. Композитор – Rose Riebl. Композиция – Wind rain тооп.) Актёры выходят в белых рубашках, белых штанах и босиком на сцену, и начинается пластическая зарисовка «Чайка» Через некоторое время закадровый голос начинает читать 1 отрывок, пластическое действие под музыку продолжается, голос за кадром накладывается на музыку.

Отрывок 1. (За кадром. Некоторые слова актёры в движении шепотом в расинхрон повторяют после закадрового голоса. Повторяющиеся слова будут выделены жирным курсивом)

Было утро, и новое солнце золотом разлилось по испещренной рябью поверхности **моря**.

Рыбацкая лодка в миле от берега. И зов над водой — это сигнал к завтраку. Большой сбор. Снова и снова раздавался он в воздухе, пока, наконец, тысячи **чаек** не слетелись в толпу. И каждая из птиц хитростью и силой пыталась урвать кусок пожирнее. Наступил еще один день — полный забот и **суеты**.

Но Чайки по имени Джонатан **Ливингстон** не было в толпе. Он тренировался, — вдали от остальных, один, высоко над лодкой и берегом. Поднявшись на сто футов в **небо**, он опустил перепончатые лапки, поднял клюв и напряженно выгнул **крылья**, придав им форму жесткой болезненно изогнутой кривой. Такая форма крыльев должна была, по его мнению, до предела замедлить **полет**. И Джонатан скользил все медленнее и **медленнее**. Свист ветра в ушах сменился едва слышным шепотом, и океан застыл внизу **неподвижно**. Прищурившись в чудовищном сосредоточении, Джонатан задержал дыхание. Еще... на один... единственный... дюйм... круче... эту... кривую... Перья его дрогнули, спутались, он окончательно потерял скорость, опрокинулся и рухнул **вниз**.

Вам, должно быть, известно — с чайками такое не случается **никогда**. Чайка не может остановиться в полете, потерять скорость. Это — позор, это — **бесчестье**.

Однако, Чайка Джонатан Ливингстон не ощущал стыда. Он снова вытянул крылья в жесткую дрожащую кривую — медленнее, медленнее и — опять неудача. И снова, и снова. Ведь он не был **обычной птицей**. Большинство чаек не утруждает себя изучением чего-то большего, чем элементарные основы полета. Отлететь от берега на кормежку и вернуться — этого вполне достаточно. Ведь для большинства имеет значение не полет, а только лишь

еда. Но для Чайки по имени Джонатан Ливингстон важен был полет. А еда — это так... Потому что больше всего на свете Джонатан любил *летать*.

Ремарка. Далее все артисты выходят ближе к авансцене, выстраиваются в рисунок крыла, взмахивают им, затем замедляются и на замедлении говорят все хором:

Все артисты хором: Посвящается истинному Джонатану – Чайке, живущей в каждом из нас.

Ремарка: Свет меркнет, артисты уходят со сцены. Музыка сменяется на гитару: Видеоконтент сменяется и звучит закадровый голос.

Отрывок 2. (Первая часть отрывка читается за кадром, затем выходят актёры)

Такой подход к жизни, как обнаружил Джонатан, отнюдь не прибавляет популярности в Стае. Даже родители его были обескуражены тем, что он проводил день за днем в одиночестве, экспериментируя и сотни раз повторяя низкие планирующие спуски.

Он, например, не знал, почему, но когда высота полета составляла менее половины размаха его крыльев, он мог держаться в воздухе над водой гораздо дольше и с меньшими усилиями. Джонатан никогда не заканчивал планирующий спуск обычным образом — с размаху плюхаясь брюхом на воду, предварительно растопырив лапы. Вместо этого он выполнял длинное плоское скольжение, едва касаясь поверхности воды вытянутыми вдоль тела лапами. Когда он начал практиковать скольжение с приземлением на песчаном берегу, каждый раз с прижатыми лапками все дальше и дальше въезжая на песок, его родители перепугались не на шутку.

Ремарка: На сцену выходят Актёры (2 парня и девушка) И читают по ролям, отыгрывая как в спектакле.

— Но почему, Джон, почему? — спрашивала мать. — Почему так трудно быть таким же, как все? Низко летают пеликаны. И альбатросы. Вот пусть они и планируют себе над водой! Но ты же чайка! И почему ты совсем не ешь? Взгляни на себя, сынок, кости да перья!

— Ну и пусть кости да перья. Но я совсем неплохо себя чувствую, мама. Просто мне интересно, что я могу в воздухе, а что не могу. Я просто хочу знать.

— Послушай-ка, Джонатан, — вовсе не сердитым тоном говорил ему отец.

— Скоро зима, и судов на море поубавится. А рыба, которая обычно живет у поверхности, уйдет вглубь. Так что, уж если тебе настолько необходимо что-нибудь изучать, изучай способы добычи пропитания. А твои летные эксперименты — оно, конечно, замечательно, однако, сам понимаешь,

планирующим спуском сыт не будешь. Ты летаешь для того, чтобы есть. И не стоит об этом забывать.

Джонатан послушно кивнул. И в течение нескольких дней пытался сделать так, чтобы поведение его не отличалось от поведения всех остальных чаек. Причем пытался честно, по-настоящему принимая участие в гаме и возне, которые устраивала Стая в борьбе за рыбы потроха и корки хлеба вокруг рыбацких судов и причалов. Но выработать в себе серьезное ко всему этому отношение Джонатану так и не удалось.

Ремарка: Артисты уходят со сцены. Контент сменяется, музыка также меняется: Композитор Ludovico Einaudi. Композиция «Monday». Под музыку выходят 5 актёров и начинается пластическая зарисовка «Полёт»

Отрывок 3. (5 актёров танцуют, затем среди них выходит 1 актёр и начинает читать отрывок, танцующие периодически пластически взаимодействуют с актёром вовлекая его в танец)

«Ерунда все это. Я — чайка. Ограниченность мой удел. Если бы моим предназначением была скорость и столь глубокое постижение искусства полета, тело мое от рождения обладало бы соответствующими особыми свойствами, и тогда ум естественным образом работал бы в нужном направлении. Для скорости полета требуются короткие крылья сокола, а их у меня нет. И питаюсь я холодной рыбой, а не мышами. Прав был отец. Нужно оставить всю эту чушь. Нужно вернуться домой, в Стаю, и быть довольным тем, что я есть. Ибо я всего лишь жалкая чайка, возможности мои ограничены, и я должен с этим смириться».

Ремарка: Танцоры уходят, на сцене остаётся только один чтец – актёр. Музыка сменяется на гитару.

Голос умолк. Джонатан был согласен. Ночью место чайки — на берегу. И он дал себе клятву, что с этого самого мгновения он становится нормальной чайкой. Так будет лучше для всех.

Джонатан устало оттолкнулся от поверхности воды и полетел по направлению к земле, благодаря судьбу за то, что успел раньше узнать об экономном режиме полета на малых высотах.

— Ну, нет, — подумал он, — с этим покончено раз и навсегда. И мне нет никакого дела до того, что я знаю. Чайка есть чайка, я — такой же, как все. И летать буду тоже как все.

И Джонатан, преодолевая боль, вскарабкался на стофуттовую высоту. Усердно размахивая крыльями, он устремился к берегу.

Он почувствовал облегчение, приняв решение быть одним из Стаи. Ведь тем самым он разрывал свою связь с Силой, заставлявшей его искать знание. Так он избавлялся и от борьбы, и от поражения. Было так приятно просто

прекратить думать и молча лететь во тьме к огням, мерцавшим вдали над пляжем.

— **Тьма!** — встревожено расколол тишину утробный голос. — **Чайки во тьме не летают! Никогда!**

Джонатан почему-то не обратил на голос никакого внимания. Ему было не до того.

— Хорошо, однако! — подумал он. — Луна, береговые огни, дорожки бликов на мерцающей поверхности воды... Тишина, покой... Хорошо!

— Вниз немедленно! Чайки никогда не летают во тьме! Для этого необходимы врожденные особые свойства! Глаза совы! Короткие соколиные крылья!

И там, в ночи, на высоте сто футов, Джонатана вдруг осенило. И вся его боль, и все его окончательные решения — все разом испарилось, словно никогда не существовало.

— Ну да — короткие крылья... **Короткое соколиное крыло!** Вот он — ответ! Надо же быть таким идиотом! Ведь нужно всего-навсего укоротить крыло! Сложить, оставив расправленным только самый кончик. И получатся короткие крылья!

Забыв обо всем, не думая ни о смерти, ни о поражении, Джонатан тут же поднялся на две тысячи футов над черным ночным морем, плотно прижал к телу широкие части крыльев, расправив в набегающем потоке лишь стреловидные заостренные концы, и нырнул в вертикальное пике.

Чудовищный рев ветра в голове... Семьдесят миль в час, девяносто, сто двадцать... И по-прежнему — с ускорением! Сто сорок миль в час, а напряжение неизмеримо меньше, чем было при расправленных крыльях на скорости всего в семьдесят. И, слегка изменив угол атаки концов крыльев, Джонатан с легкостью вышел из пике. Подобно серому пушечному ядру, он несся сквозь пространство лунного света над поверхностью океана.

Джонатан прищурился. Глаза его превратились в узкие щелки. Он был доволен. Сто сорок миль в час! И — полный контроль! А если подняться не на две, а на пять тысяч футов... Интересно, какую скорость...

Клятва, которую он дал себе за несколько минут до этого, была забыта, унесена прочь бешеным ветром.

Джонатан нарушил обещание, однако вины за собой не ощущал. Подобно рода клятвы что-то значит для тех, кто приемлет обыденность. Тому же, кто в познании своём коснулся чего-либо исключительного, нет дела до таких обещаний.

Ремарка: Актёр остаётся на сцене, контент сменяется, музыка также меняется: Композитор Fabrizio Paterlini. Композиция Lapolvere e L'incanto. Актёр, который читал предыдущий отрывок, молчит. Все актёры выходят по очереди и читают следующий отрывок.

Отрывок 4. (Читают актёры по очереди. В тексте будет указано жирным курсивом фраза, которую читает следующий актёр. Те, кто отчитал остаются на сцене.)

Когда взошло солнце, Джонатан тренировался. С пяти тысяч футов рыболовецкие суда казались брошенными на воду щепками, а завтракающая Стая — едва заметным облачком кружащей пыли.

Джонатан ощущал, что живет, он слегка дрожал от радостного чувства удовлетворения и гордился тем, что покорил свой страх. Без долгих приготовлений он сложил предкрылья, расправил короткие острые концы крыльев и нырнул вниз, к поверхности моря. К тому моменту, когда была пройдена высота в четыре тысячи футов, он набрал максимальную скорость. Встречный поток превратился в плотную твердую стену звука, прорваться сквозь которую не представлялось никакой возможности. Это был предел, двигаться быстрее Джонатан не мог, он несся вертикально вниз со скоростью в двести четырнадцать миль в час. Он в напряжении сглотнул слюну, зная, что расправь он на такой высоте крылья — и его не станет, но лишь миллион мельчайших клочков разорванной взрывом чайки достигнет поверхности океана. Однако в скорости была Сила, и радость, и чистая красота.

Выходить из пике Джонатан начал с высоты в тысячу футов. Концы крыльев с гудением дрожали в бешеном набегающем потоке, судно и толпа чаек металась перед глазами и росли со скоростью метеора, и они находились прямо на его пути.

Остановится Джонатан не мог, свернуть в сторону — тоже. Он просто не имел ни малейшего понятия о том, как это делается на такой скорости.

Любое же столкновение означало мгновенную смерть. И он закрыл глаза.

И тогда, в то утро, сразу после восхода солнца, вышло так, что Чайка Джонатан Ливингстон ворвался в самую середину принимавшей пищу Стаи. На скорости в двести двенадцать миль в час он со свистом пронесся сквозь Стаю — глаза закрыты — этакий снаряд из перьев и ветра. И только потому, что Чайка Удачи улыбнулась ему в этот раз, никто не погиб.

Когда выход из пике был закончен, и клюв его снова оказался направленным в небо, Джонатан по-прежнему мчался вперед, и скорость его полета составляла сто шестьдесят миль в час. А когда она уменьшилась до двадцати, и он смог, наконец, полностью расправить крылья, судно с высоты четырех тысяч футов опять казалось ему брошенной на воду щепкой.

Это был триумф. Он понимал это. Предел скорости! Двести четырнадцать миль в час! Величайшее мгновение в истории Стаи — истинный прорыв. А для Чайки Джонатана Ливингстона этот миг означал начало новой эпохи. И он направился к тому месту, где обычно практиковался в полетах. А когда на высоте восьми тысяч футов он сложил

крылья для вертикального пике, целью его было освоение скоростного поворота.

Он установил, что при смещении на долю дюйма одного-единственного пера на самом кончике крыла тело на огромной скорости описывает плавную криволинейную траекторию. Но прежде чем Джонатан это понял, он обнаружил другое — смещение более чем одного пера на такой скорости заставляет тело вращаться вокруг продольной оси подобно винтовочной пуле... Так Джонатан стал первой на земле чайкой, постигшей основы искусства высшего пилотажа.

В тот день у него не нашлось свободного времени на общение с другими чайками. Он тренировался, пока не зашло солнце. Он открыл мертвую петлю, полубочку, бочку, горку, вертикальное колесо.

Ремарка: после этого актёр который стоял на авансцене отходит назад, остальные актёры смещаются и образуют возле него полукруг. Пластика становится грозной. Контент сменяется, свет начинает мерцать. Музыка сменяется на гитару. Следующий отрывок разыгрывается по ролям в контексте смысла текста.

Отрывок 5. (Разыгрывается театрализованная миниатюра.)

— Чайка Джонатан Ливингстон! — Старейшина произнес эти слова таким тоном, каким говорил только в особо торжественных случаях. — Ты вызываешься в Круг!

Вызов в Круг означал либо всеобщее порицание и величайший позор, либо величайшую честь и всеобщее признание.

— Понятно, — подумал Джонатан, — это по поводу того, что случилось утром во время завтрака. Они видели прорыв! Однако почести мне ни к чему. И в лидеры — тоже не хочу. Мне, пожалуй, только хотелось бы поделиться своими находками, показать всем необозримые возможности, открытые каждому из нас.

И он сделал шаг в Круг.

— Чайка Джонатан Ливингстон! — продолжал Председатель. — Изволь выйти в Круг и подвергнуться порицанию, свидетелями которого надлежит стать всем твоим собратьям по Стае.

Это прозвучало подобно грому среди ясного неба. Джонатан вдруг почувствовал себя так, словно его огрели доской по голове. Колени подкосились, перья враз обвисли, и в ушах возник невообразимый шум. Позор? В Круг — на порицание?! Но это невозможно! Ведь это Прорыв! Они чего-то не поняли! Тут определенно закралась какая-то ошибка! Ну да, они ошибаются, они явно не правы!

— ...ибо величайшего позора заслуживают проявленные тобой беспечность и безответственность, равно как и попрание достойных традиций добропорядочного Семейства Чаек...

Порицание на общем собрании. За этим неминуемо следует изгнание из сообщества чаек. Отлучение от Стаи и ссылка в Дальние Скалы, где уделом изгнанника становится полное одиночество.

— ...и ты — Чайка Джонатан Ливингстон — однажды поймешь, сколь неблагоприятной вещью является безответственность. Нам не дано постигнуть смысл жизни. Очевидно же в ней лишь одно: в этот мир мы приходим для того, чтобы питаться и за счет этого как можно дольше в нем существовать...

Тому, кто вызван в Круг, запрещено вступать в дискуссию с общим собранием Стаи, но Джонатан сдержаться не мог.

— Безответственность?! — воскликнул он. — Да что вы, братья?! Какая же тут безответственность — понять, в чем смысл жизни и открыть пути достижения высшей цели бытия? Скорее, наоборот — посвятивший себя этому как раз и проявляет максимум ответственности. Ведь что мы знали до сих пор — тысячелетия свар из-за рыбьих голов... Теперь у нас появилась возможность понять первопричину — постичь, ради чего мы живем. Открытие, осознание, освобождение! Дайте же мне один-единственный шанс, позвольте показать вам то, что я нашел...

С таким же успехом Джонатан мог взывать к каменной стене.

— Какие мы тебе братья, отступник?! — был ответ, и, словно по команде, все церемонно обратились к нему хвостами, поплотнее зажав предварительно уши.

Остаток своих дней Чайка Джонатан Ливингстон провел в одиночестве, однако отнюдь не в Дальних Скалах, ибо он улетел гораздо дальше. И единственным, что несколько угнетало его, было не одиночество, но отказ остальных чаек поверить в славу полета, их ожидавшую. Они отказались открыть глаза и увидеть!

Ремарка: На последнем абзаце 6 актёров уходят со сцены. Остаётся только один актёр и читает последнюю часть отрывка и уходит со сцены. Свет меркнет. Контент меняется. Сменяется музыка. Композитор – Lambet. Композиция – Out of Chaos. Актёры выходят на сцену в серебряных накидках, начинается пластическая зарисовка «Последний путь» Некоторое время они танцуют, затем в движении начинают по очереди читать отрывок.

Отрывок 6. (Читают в движении по очереди. Новый человек будет обозначен на тексте жирным шрифтом)

С каждым днем знание, которым обладал Джонатан, росло. Он обнаружил, что благодаря скоростному пику может добывать редкую и очень вкусную рыбу, ходившую стаями на глубине десяти футов. Теперь он не был больше привязан к таким, казалось бы, жизненно необходимым вещам, как рыболовецкие суда и размокшие корки заплесневелого хлеба. Он также научился спать на лету, не сбиваясь с курса. Это позволило ему использовать дующий с берега ночной бриз, от заката до восхода преодолевая расстояние в сотню миль. Тот же принцип внутреннего контроля Джонатан применял и для полетов сквозь густой морской туман, постепенно поднимаясь над которым он достигал сияющего неба... в то самое время, когда все без исключения остальные чайки сидели на земле, и уделом их были только дождь и промозглая мгла. А на высотных ветрах Джонатан залетал далеко вглубь материка, где обитали сухопутные насекомые — подлинное лакомство.

В одиночестве наслаждался он плодами того, что некогда намеревался подарить всей Стае. Он научился летать и не сожалел о той цене, которую ему пришлось заплатить.

Серая скука, и страх, и злоба — вот причины того, что жизнь столь коротка. Осознав это, Джонатан избавил свои мысли от скуки, страха и злобы, и жил очень долго, и был по-настоящему счастлив.

Ремарка: Музыкальная тема меняется, плавно перетекая с фоно на гитару.

И они пришли — вечером — и нашли его. Он парил один в покое столь любимого им неба. Две чайки появились рядом с ним, и летели крыло к крылу по обе стороны от него. Чистотой своей подобные свету звезды, они мягко сияли во тьме ночного неба, и добротой было исполнено их сияние. Но изумительнее всего было мастерство их полета — расстояние между концами их крыльев и концами крыльев Джонатана при любом движении неизменно оставалось ровно один дюйм.

Не говоря ни слова, Джонатан подверг их проверке — испытанию, которого не смогла бы выдержать ни одна чайка. Он спирально изогнул крылья, сбросив скорость до величины, всего на единственную милю в час превышающей порог срыва. Две сияющие птицы сделали то же самое, положение их по отношению к Джонатану не изменилось при этом ни на йоту, Искусством медленного полета они явно владели в совершенстве.

Джонатан сложил крылья, перевернулся и упал в пике, развив скорость в сто девяносто миль в час. Они спикировали вместе с ним, и форма их устремленных вниз тел была абсолютно безупречна.

И наконец, не сбавляя скорости, он вертикально зашел на широкую мертвую петлю. С улыбкой они проделали маневр вместе с ним.

Тогда он вернулся в режим горизонтального полета. Некоторое время помолчав, он произнес:

— Прекрасно. И кто же вы такие?

— Мы — из Твоей Стаи, Джонатан. Мы — Твои братья, и мы пришли за Тобой. Пора подниматься выше. Пора возвращаться домой.

— Но у меня нет дома. И Стаи — тоже нет. Ведь я — Изгнанник. И, кроме того, сейчас мы парим на самом верхнем уровне Великого Ветра Гор. И я не думаю, что смогу заставить свое старое тело подняться выше, чем на две-три сотни футов.

— Сможешь, Ибо Ты обрел знание. Одна школа закончена, пришла пора начинать следующую.

И осознание, в течение всей жизни бывшее для Чайки Джонатана далекой путеводной звездой, ярко вспыхнуло в тот же миг. Они были правы. Он может подняться гораздо выше, и время возвращаться домой действительно пришло.

Он в последний раз окинул взглядом земное небо и саму землю — дивный серебристый мир, — на которой столь многому научился, А потом сказал:

— Я готов.

И они втроем — Чайка Джонатан Ливингстон и две сияющие подобно звездам птицы — устремились ввысь, чтобы раствориться в совершенстве небесной темноты.

Ремарка: Пластическая зарисовка завершается, все актёры выходят на поклон, на видео контенте появляется обложка книги. Актёры кланяются, музыка стихает. Свет меркнет.